

ДРАМАТИЧЕСКОЕ В СФЕРЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Понятие драматического связывается в нашем сознании обычно с театром, с искусством сцены. И это вполне объяснимо, поскольку оно (это понятие), подобно понятиям трагического и комического, родилось благодаря театральному искусству. Кроме того, само драматическое, в своем узком и конкретном определении чаще всего отображается на подмостках сцены.

Но нужно отметить и другое. Еще до того, как закрепиться в театре, драматическое, наряду с трагическим и комическим, являя собою описание острых и напряженных ситуаций с конфликтами и тревожными волнениями, уже существовало в литературе, и, в частности, в поэзии.

Иначе говоря, драматическое в искусстве в целом ни в коей мере не замыкается пределами театра: более того — именно в сфере литературы произошло первое прикосновение к нему. Ведь ни для кого не секрет, что такое многообразие и богатство жизненных коллизий, как столкновение и противоборство характеров, стремление преодолеть разного рода неблагоприятные обстоятельства, наконец, борьба человека с природными и социальными катаклизмами в полной мере отражено в данном виде искусства. В нашей статье мы ставим перед собой задачу показать существование и проявление драматического, или драматизма как эстетического явления в отдельно взятом литературном жанре, а именно, в жанре лирической поэзии.

На первый взгляд может показаться, что лирические произведения менее коллизионны, нежели эпические, поскольку они, в отличие от последних, не воспроизводят жизненные события столь многопланово и обстоятельно. Конечно, лирика так или иначе не может полностью отказаться от опоры на события, на так называемый предметный ряд. Она, как говорит Гегель, выс-

шее событие, происшествие переводит в форму субъективности, то есть отражает его в переживаниях, чувствах, настроениях автора.

“Поэт свое уныние, свою печаль, радость, пламенный патриотизм и т.п. выражает в соответствующем событии таким именно образом, что не само происшествие составляет средоточие, но душевное состояние, в нем отражается, — поэтому он и выделяет и со всею полнотою чувства описывает по преимуществу только те черты, которые созвучны его внутреннему движению, и, наиболее живо выражая это движение, скорее других способны пробудить то же чувство и в слушателе.

Таким образом, хотя содержание здесь эпическое, но разработка его — лирическая”¹.

Итак, по свидетельству выдающегося немецкого философа, лирика ни в коей мере не может игнорировать происшествие, или, иначе говоря, событийную сторону, не опираться на него. Конечно, в лирическом стихотворении поэт больше занят своими переживаниями, чувствами, нежели объективным событием. Но поскольку эти переживания были вызваны данным объективным событием, последнее отражено, или, иначе говоря, косвенно в них присутствует. Словом, лирика-окно в мир через душу поэта, через его переживания. В строгом смысле слова в эпическом произведении также просвечивает его душа, ибо и тут поэт не может избежать выражения своих чувств, однако в эпическом литературном жанре они лишь сопутствуют показу событий и отнюдь не становятся центральным пунктом содержания.

В этой связи напрашиваются два вопроса: во всех ли случаях лирика — это выражение внутреннего мира под воздействием какого-либо внешнего и конкретного события, не бывает ли так, чтобы лирический поэт выражал свои чувства и переживания независимо от какого-либо повода? И во-вторых, не искажает ли лирика реаль-

¹ Г.В. — Ф.Гегель. Полн. Собр. Соч. Эстетика в 4-х томах, т. 2 “Искусство”, М. 1971, с. 416

ное содержание события, поскольку отражает не столько само это событие, сколько вызванные им душевные порывы. То есть можно ли говорить об адекватности отражаемого и отраженного, если отражение не прямое, а косвенное — посредством лирического душеизлияния?

По поводу первого вопроса заметим, что лирическое стихотворение не всегда есть плод провоцирующего события, “происшествия”, огромное число лирических произведений — не что иное, как выражение постоянно пребывающих в душе поэта гражданских, этических, интеллектуальных и прочих чувств и настроений, того, с чем поэт не расстанется никогда, что составляет слагаемые его мировоззренческого отношения к жизни. Иногда, правда, и в таких стихах можно обнаружить внешний толчок, идущий от какого-либо конкретного события и пробудившего в поэте ответную реакцию, но подобный толчок является скорее всего лишь поводом, чтобы выразить давно накопившиеся переживания и общий взгляд на вещи, выработанные в нем в течение продолжительного времени. Именно в таких случаях стихи обретают особую драматический тон. Для подтверждения сказанного достаточно привести в пример стихотворение А.Исаакяна “У кого ноет ретивое...”

У кого ноет ретивое,
Что в ответ щемит и у меня?
Это волк голодный за горою
Горько воет, кровь мне леденя.
Злая тень на снеговом сугробе,
Я, как ты, устал и одинок.
Волчье сердце, я твое подобье
В этом мире смерти и тревог.²

Այս սիրտն է հեծում մըրալ զիշերին
Զմտան հողմերից ծեծվա՛ծ, տառապա՛ծ, —
Այս գալլն է թըշվառ՝ լեռան լանջերին

²Ав.Исаакян. Лирика. Изд. “Айастан”, Е, 1982, с. 21, пер. с арм.

Դառն հեծեծում ցրտահա՛ր, քաղցա՛ծ...
 Մեծավո՛ր, խրդո՛ւ կ, դու վիրավո՛ր սի՛րտ,
 Ես է՛լ քեզ նման մենակ եմ ու խեղ ճ,
 Մարդն էլ քեզ պես է, ո՛վ խոշտանգված սի՛րտ,
 Այս ցավի, մահի սև աշխարհի մեջ:³

Внешний толчок — голодный волк — действительно только повод, чтобы поэт излил давно кипевшие в нем острейшие чувства, вызванные под влиянием социальной несправедливости, тех явных жизненных противоречий, которые носят в себе отпечаток, с одной стороны, благополучия сытых, а с другой — голодных и бесправных. Очевидно, что поэт таким образом выражает свой гражданский протест и свое созревшее состояние конфликта с действительностью.

Впрочем, есть довольно много лирических стихов, в которых не прослеживается даже внешнего повода или толчка для выражения давно живущего в поэте настроения, являющегося для него всегда действительным мировоззренческим самочувствием. Очень симптоматично, что в ряду этих стихов мы встречаем и такие, которые явно примыкают к той лирике, что выражает достаточно острые душевные, явно драматические коллизии.

Иначе говоря, независимо от событийного показа, в лирике, тем не менее, довольно часто присутствует драматизм в ракурсе внутреннего состояния и переживаний самого автора.

Я пережил свои желанья,
 Я разлюбил свои мечты,
 Остались мне один страдания —
 Плоды сердечной пустоты.

...Так поздней бурей пораженный,
 Как бури зимней слышен свист,

³Ավետիք Իսահակյան, Երկեր, «Սովետական գրող», Ե., 1987, էջ 124

Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.⁴

Что касается второго вопроса, не искажает ли лирика содержания самого события, поскольку отражает не его целостный облик, а возникшие, или же давно живущие под его воздействием в душе поэта переживания? В реальности здесь "искажения" ровно столько, насколько допустимо в этом отношении в художественном творчестве вообще.

Но это, по правде говоря, не искажение, как таковое, а всего лишь прием, принятый в искусстве — сгущение, типизация, без чего искусства как такового вообще не существует. Правда, выражая настроение поэта, особенно тогда, когда он испытывает волнение любви, когда его горечь и превратности коснулись его самого, лирика допускает известные преувеличения, некоторый, так сказать, эмоциональный транс. Однако подобные психологические издержки не должны нас вводить в заблуждение, и мы всегда должны отличать и смысл, вернее, значение события, "происшествия", и ту степень коллизионности, которая в нем наличествует.

В ходе анализа драматического, или драматизма в лирической поэзии, мы непременно должны задаться вопросом: в чем же по сути отличие драматического настроения лирических стихов от трагического? Ведь не всякий накал страстей и переживаний, не всякая коллизионность однозначно сводима лишь к рассматриваемому нами эстетическому явлению. Бесспорно, что немалое количество лирических произведений проникнуто подлинно трагическим мироощущением. Как же распознать трагическое от драматического в исследуемой нами сфере?

Сопоставим два известных стихотворения Исаакяна: "Полюбил — отняли яр" и "Поплачь, сумбул-трава, со мной". В обоих стихах поэт применяет глубоко задевающие душу слова и метафоры, в обоих случаях его сердце

⁴А.С.Пушкин. Полное собр. Соч. т. 4 Изд. Правда, М. 1981, с. 27

кровоточит. И все-таки первое мы воспринимаем как отражение трагедии, а второе — как драмы. Поэт не может скрыть от нас объективную определенность самих событий, ибо в первом случае с возлюбленной его разлучил злой рок, непреодолимые обстоятельства, оказавшиеся сильнее его. Во втором же случае любимое создание само покинуло поэта, или, как часто принято выражаться, его лирического героя:

Не пожалела она меня,
Лишила силы — ушла...⁵

Այս յարս ինձի հանեց սրբունկ,
Մեծար բռնեց ու գրկաց...⁶

Иначе говоря, там, где в лирическом звучании присутствует неотвратимость судьбы, злой рок, объективно непреодолимые обстоятельства, с которыми лирический герой никак не в силах справиться, мы имеем дело с трагическим. И, наоборот, там, где ситуация отнюдь не определена безысходностью, где есть объективная возможность преодолеть соответствующие обстоятельства, либо же не совершить того или иного нежелательного шага, поступка — налицо подлинно драматическое, нашедшее отражение в том или ином лирическом стихе.

Нам представляется, что в лирике в чисто количественном отношении драматическому предоставлено гораздо больше места, чем трагическому. Это объясняется тем, что в самой действительности человек гораздо чаще сталкивается с ситуациями, содержащими в себе позитивное разрешение, преодоление тех или иных трудностей и невзгод, нежели с обстоятельствами, против которых в силу их объективной непреодолимости он оказывается бессилен. Иначе говоря, драматические коллизии и вызываемые ими драматические чувства и переживания

⁵ Ав.Исаакян. Лирика. Изд. "Айастан", Е, 1982, с. 29, пер. с арм.

⁶ Ավետիք Բախալյան, Երկեր, «Առվելակալան գրող», Ե., 1987, էջ 21

оказываются гораздо более частым спутником в жизни каждого индивидуума или лирического героя, нежели судьбоносные противостояния и вызываемые ими чувства и настроения безысходности, характерные для трагического мироощущения.

Другой особенностью лирики, как любовной, так и гражданской, помимо драматической насыщенности, является также и то, что она легко сочетает в себе разные виды коллизий, дает их даже в переплетении, уместая на небольшом стихотворном пространстве. Точнее говоря, она сочетает не событийные формы разных коллизий, а их отраженные формы, возникшие, в связи с воздействием событий, душевные движения, переживания. А их в виде различных "коллизий души" легко скрещивать и совмещать. Одним словом, тут не приходится, как в эпосе, сочетать коллизионные события. Лирическое стихотворение, хоть и занимает совсем немного места, тем не менее совмещение коллизий в нем, благодаря тому, что даются их отраженные формы (в виде коллизий души) осуществляется "технологически" весьма просто, а главное, органично. Так, в стихотворении "Деревня" — одном из жемчужин русской лирической поэзии, притом вразряде ее гражданской лирики, Пушкин свободно сочетает драматическое и трагическое.

Драматическое мы обнаруживаем там, где автор говорит о своих переживаниях, вызванных воспоминаниями о жизни в городе, в обществе, в котором царствуют суетность и порок, владевшие и им самим — перед тем, как ему ехать в деревню, и которые теперь, в его представлениях, угнетают его душу:

"... порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья..."⁷

Но есть в этом творении и строки, проникнутые настроением трагизма, ибо, возможно, впервые в своей

⁷ Русская лирика XIX века. М. "Художественная литература", 1986, с. 36

жизни юный Пушкин со всей остротой ощутил бесправие родного народа в условиях крепостничества, всю меру его притеснения и безысходности.

“... Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняя чуждый плуг, покорствуя бичам
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца...”⁸

Примечательно и то, что так же легко лирика способна сочетать драматическое и комическое, поскольку и тут она сочетает скорее всего не событийно данные коллизии, а коллизии опять-таки в форме переживаний, субъективности. Вот один из таких примеров:

...Что имя, сан ее и гордость родовая —
Позор нарядный мой, блестящий плен:
О, нет!
Поверьте милая, я не настолько сед,
Чтоб сердцу не могла вас заменить другая.

Амур вам подтвердит, Амур не может лгать:
Не так прекрасны вы, чтоб чувство отвергать.
Как не ценить любовь — я, право, негодую!

Ведь я уж никогда не стану молодым,
Любите же меня таким, как есть, седым,
И буду вас любить, хотя б совсем седую.⁹

Это строки Ронсара, французского поэта эпохи Возрождения (1524-1585), известного своими прекрасными и

⁸Там же

⁹Поэзия эпохи возрождения. Изд. “Луч”, Минск, 1979, с. 45

проникновенными сонетами, в которых, однако, почти всегда присутствует "комическое облачение". Поэт весьма самокритичен и всегда чувствует степень несуразности, или, вернее, несуразной противоречивости, в которую его загоняет любовная коллизия особенно тогда, когда, будучи немолодым, он увлекается юными красавицами. А то, что несуразная противоречивость является родовым качеством, или определением всех форм комического, известно давно.

Если в эпическом жанре сочетание драматического с комическим происходит благодаря описанию и сюжетному развитию событий, то здесь, в лирике, комическое внедряется в драматическое преимущественно в форме переживаний, душевных коллизий, хотя и с известной опорой на события. Эту опору на события в сонете Ронсара мы видим в том, что поэт воспроизводит некоторые внешние стороны своих отношений с возлюбленной, а так же свои и ее физические данные: ее молодость и свою старость.

Ведь совершенно абстрагироваться от событий лирика не может, иначе будет абсолютно непонятно, почему поэт охвачен именно этими, а не другими чувствами, почему его душа в данный момент плачет или смеется, скорбит или ликует.

Таким образом, хотя лирика и повествует о чувствах, она основывается на событийной действительности, ни в коей мере не искажая ее. Смысл, определенность или содержание события она передает адекватно, не считая некоторых эмоциональных заострений, что в общем не вредит ее познавательной сути.

На основании примеров, приведенных из творчества разных поэтов, мы убедились, как часто лирика воспроизводит специально драматическое, а именно — драматические коллизии, чувства и переживания. Но, пожалуй, наиболее ценным и существенным для нас во всем этом является то, что благодаря наличию факта драматизма в лирическом произведении можно вновь и вновь обнару-

жить единство и переплетение таких эстетических категорий, как трагическое, комическое с самим драматическим. Ведь каким бы самостоятельным статусом не обладал эстетический феномен драматического, тем не менее в большинстве своем он проявляет себя во всей полноте в сочетании с вышеуказанными нами своими родственными категориями.